

ВЛАДИМИР СОЛОНАРЬ

О ДИСКУССИЯХ И ИНСИНУАЦИЯХ. ОТВЕТ М. РАШКОВЕЦКОМУ

«Замечания» Михаила Рашковецкого на мою рецензию на вышедшую под его редакцией книгу о Холокосте в Одесском регионе¹ представляют собой попытку дискредитировать как автора рецензии (что является практикой, неприемлемой в академических кругах, особенно когда, как в данном случае, с целью дискредитации апеллируют к фактам или измышлениям, не имеющим отношения ни к теме дискуссии, ни к академической деятельности оппонента), так и международное сообщество историков в целом, которое автор обвиняет, ни много ни мало, в преднамеренном игнорировании свидетельств о страданиях одесских евреев, причиненных им румынскими оккупационными властями в период Второй мировой войны. Выдвигая такие обвинения, М. Рашковецкий демонстрирует некомпетентность в вопросе, по которому пытается показать себя специалистом.

Возьмем, например, утверждение, что зарубежные историки «потеряли» (М. Рашковецкий называет такую «потерю» «беспрецедентной») факт сожжения около 25 тыс. евреев, в основном беженцев из Бессарабии, в девяти артиллерийских складах на Люстдорфской дороге на территории Одессы. Это произошло, продолжает М. Рашковецкий,

¹ *Рашковецкий М.* Замечания к рецензии: *Солонарь В.* История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и документов / Сост. М. Рашковецкий. – Одесса: Студия «Негоциант», 2006. – 372 с. // *Голокост і сучасність*. – 2009. – 1 (5). – 2009. – С. 151–159 (далее – *Рашковецкий М.* Замечания).

потому что в международном академическом сообществе «как-то принято игнорировать документы советской ЧГК² и десятки или даже сотни свидетельских показаний при расхождении этой информации с архивными немецкими или румынскими документами»³. Это утверждение – ни на чем не основанная выдумка. Обратимся для примера к главной книге недавно умершего израильского историка Жана Анчела, посвятившего сорок лет своей жизни изучению еврейской политики Румынии. В части первой второго тома этого фундаментального труда, скромно озаглавленного «Некоторые аспекты румынской истории. Еврейская проблема», двадцать страниц текста посвящены реконструкции событий в Одессе в течение первой недели оккупации, причем главное внимание уделено репрессалиям после взрыва здания румынской комендатуры и последовавшей за ним вакханалии массовых убийств евреев, обвиненных в этом террористическом акте⁴. Сожжению «примерно 22 тыс. евреев» в артиллерийских складах уделено восемь страниц; приводится и текст секретного приказа Антонеску № 563, по которому уничтожению подлежали в основном бессарабские евреи⁵. События прослеживаются буквально по часам, сами репрессалии описываются на основании свидетельств многих очевидцев и участников. Действительно, Ж. Анчел не использовал советских источников, и его реконструкция опирается в основном на источники на румынском языке, включая секретные документы и

² Чрезвычайная государственная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

³ Там же. – С. 158. В подтверждение этого тезиса Рашковецкий ссылается на книгу: *Aрад II. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945)*. – Днепропетровск: Центр «Ткума»; Москва: Центр «Холокост», 2007. – 816 с. Однако очевидно, что одна книга одного историка не может быть свидетельством того, что эта трагедия проигнорирована всем сообществом в целом, а тем более служить подтверждением более общего тезиса Рашковецкого о тенденции игнорировать советские архивные документы в целом. Характерно, что Рашковецкий, обвиняя книгу Арада в замалчивании сожжения евреев Одессы в артиллерийских складах, воздерживается от приписывания этому историку целенаправленного игнорирования советских источников.

⁴ *Contribuții la istoria României: Problema evreească*. 2 vols. – Bucharest: Editura Hasefer, 2001–2002. – Vol. II. – Pt. 2. – P. 173–192.

⁵ *Ibid.* – P. 184–191.

переписку румынских военных с Антонеску, а также показания самих участников и очевидцев событий. В них, однако, нет существенных противоречий с данными, собранными советской ЧГК.

Ж. Анчел совсем не одинок в своей реконструкции событий первой недели румынской оккупации города. Описание этих событий, которое приводится в книге Раду Иоанида, практически не отличается от его версии, хотя и значительно менее детально⁶. Характерно, что на сайте общинного центра «Мигдаль», на котором М. Рашковецкий первоначально разместил свои «Замечания», он вслед за ними поместил, как бы в продолжение своей полемики со мной, статью молдавского историка Изяслава Левита, ныне проживающего в США, о репрессалиях румын против евреев в первую неделю оккупации Одессы⁷. Любой читатель по прочтении текстов И. Левита и Ж. Анчела без всякого труда заметит, что их реконструкции очень схожи и что цитируют они в основном одни и те же архивные документы, а также множество свидетельств, которые, естественно, принадлежат разным авторам, но рисуют, в сущности, одну и ту же картину. В отличие от Ж. Анчела, И. Левит систематически использовал русскоязычные источники, но от этого его выводы не стали существенно отличаться от заключений Ж. Анчела. Есть только одно заметное отличие между текстами Анчела и Левита: в то время как последний указывает, где находились артиллерийские склады, в которых были расстреляны евреи в соответствии с приказом Антонеску № 563 от 24 октября 1941 г. – на Люстдорфской улице, первый этого не делает, а просто замечает, что эти склады находились «вблизи (от тюрьмы. – В.С.)»⁸. Вероятно, что из-за недостаточного знания топографии Одессы Анчел не сумел точно локализовать местонахождение складов, но, несмотря на это, его оценка общего числа еврейских жертв

⁶ *Ioanid R. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu regime, 1940–1944. – Chicago, 2000. – С. 177–182.*

⁷ Доступна на: <http://www.migdal.ru/migdal/museum/18389/>. М. Рашковецкий перепечатал эту статью из американской русскоязычной газеты «Новое русское слово», где она была впервые опубликована; во вводном комментарии М. Рашковецкий сослался на Левита как на недавно умершего, в то время как он и ныне живет и здравствует.

⁸ *Contribuții la istoria României. – Vol. II. – Pt. 1. – P. 186.*

румунских репрессий в Одессе совпадает с оценкой Левита, который цитирует мнение Анчела по этому вопросу с одобрением. С другой стороны, интерпретация Анчела хорошо согласуется с данными советской ЧГК по городу Одессе и Одесской области, которая упоминает одно, а не два места уничтожения евреев в складах (по Левиту получается, что таких мест было два – по Люстдорфской дороге и по дороге в Дальник, в то время как Анчел упоминает только одно место экзекуции в складах и указывает, что по дороге в Дальник евреи уничтожались в противотанковых рвах, как это указано и в документах ЧГК)⁹. Таким образом, огульные обвинения М. Рашковецкого начисто опровергаются простым ознакомлением с наиболее известными публикациями по этой теме.

М. Рашковецкий также обвиняет меня – и делает это в возмутительной манере – в том, что я по политическим мотивам стремлюсь обелить режим Антонеску и преуменьшить его вину за страдания евреев. Нет ничего, что было бы дальше от действительности. Ничто из того, что я когда-либо опубликовал, написал или сказал, не позволяет сделать такой вывод, если, конечно, читать мои тексты добросовестно, а не с заранее поставленной целью дискредитировать их автора и приписать себе несуществующие заслуги в деле борьбы с международным заговором историков, которые якобы преднамеренно замалчивают трагедию одесских евреев. Мне кажется, что я достаточно ясно сформулировал свои взгляды по этой проблеме в рецензии, но поскольку М. Рашковецкий обвинил меня в столь низких стремлениях, мне представляется необходимым суммировать свою позицию по этому вопросу еще раз.

Когда я писал о том, что нельзя просто приравнивать политику режима Антонеску по отношению к евреям к политике нацистской Германии, то имел в виду, что в такую концепцию не вписываются некоторые хорошо известные факты, как, например, то, что по отношению к евреям собственно Румынии, то есть за исключением Бессарабии, Буковины и уезда Дорохой (который относится к исторической румынской провинции Молдова, но в 1941–1944 гг. входил

⁹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, оп. 69, д. 342, л. 5–6, 7–16, 110 (копии этих документов см. в архиве «Яд Вашем», JM-19.965, 19.969).

в состав укрупненной провинции Буковина), такие меры, как депортация и массовые истребления, не применялись. Ясский погром июня 1941 г. является здесь исключением, однако это событие, по-видимому, не было спланировано румынским правительством, хотя оно и спровоцировало его своей разнузданной антисемитской пропагандой и некоторыми другими действиями, о которых не представляется возможным говорить подробно в настоящем контексте¹⁰. Также хорошо известно, что хотя летом 1942 г. румынское правительство вело переговоры с немцами о депортации евреев Старого Королевства и южной Трансильвании в нацистские лагеря смерти в Польше и могло даже дать свое предварительное согласие на это, осенью того же года оно изменило свою позицию и отказалось депортировать евреев, тем самым предотвратив нацистские планы их умерщвления. Добавлю к этому факт, который я не упомянул в своей рецензии, а именно что в самой Транснистрии румыны проявили чудовищную жестокость к евреям, в особенности во время репрессалий в Одессе в октябре 1941 г., во время депортации из этого города в январе 1942 г., а также во время массовых казней в конце 1941 г. – весной 1942 г. в уездах Голта и Доманевка в восточной части Транснистрии. Однако, несмотря на эти зверства, гораздо больше, в процентном выражении, евреев, оказавшихся под румынской оккупацией в Транснистрии, осталось в живых, чем тех, которые оказались под немцами в других районах Украины. Там процент выживших был близок к нулю, в Транснистрии же он был между 10 и 15%, а в некоторых уездах значительно выше¹¹. Для евреев той части Винницкой области, что была оккупирована немцами, практически единственный шанс выжить состоял в том, чтобы перебраться на румынскую сторону и слиться с тамошними евреями, находившимися в гетто и лагерях. Этот факт подтверждается массой свидетельских показаний и другими источниками.

¹⁰ Еще один еврейский погром произошел в Бухаресте в январе 1941 г. Фактически он был частью так называемого «легионерского» (или «железнодорожеского») мятежа, направленного против правительства Антонеску.

¹¹ Исчислено на основании данных, содержащихся в заключительном докладе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии (комиссии Эли Визеля). См.: International Commission on the Holocaust in Romania: Final Report. – Iași, 2005. – P. 177–179.

Как все это можно объяснить, если согласиться с утверждением об идентичности румынской и немецкой политики? Историки, которые применяют такую терминологию (таких немного, но статья одного из них, а именно Сергея Назарии, опубликована в отрецензированном мною сборнике), попросту игнорируют этот вопрос. М. Рашковецкий идет еще дальше и объявляет его не имеющим никакого значения; он старается подвести читателя к мысли, что даже просто упоминать об этих фактах – означает обелять режим Антонеску¹². Однако это неприемлемо с профессиональной точки зрения, поскольку долг историка состоит не в том, чтобы игнорировать «неудобные» факты или пропагандировать определенную, заранее выбранную позицию, а объяснять прошлое. Это включает необходимость находить слова и давать определения, которые объясняют реальность наиболее точно, схватывают, по возможности, всю ее сложность и многогранность, а не просто громить «идеологических противников». Когда речь заходит о проблематике Холокоста, точность формулировок особенно важна, поскольку в противном случае недоброжелательные критики и упорные отрицатели Холокоста как такового получают возможность, указывая на непоследовательности и умолчания в работах историков, подорвать доверие к их работе вообще, и тем самым придать большую убедительность своей бессовестной пропаганде.

Если бы М. Рашковецкий имел хотя бы приблизительное представление об историографии Холокоста, он бы знал, что полемика по таким вопросам, которые подняты в моей рецензии, – вовсе не исключение, а норма. Историки, изучающие нацистскую «политику» в отношении евреев, соглашаясь в главном – что Холокост имел место и что нацистская Германия стремилась к полному уничтожению еврейского народа, – напряженно спорят по таким проблемам, как, например, дата появления распоряжения Гитлера приступить к «окончательному решению еврейского вопроса», и даже о том, издавал ли Гитлер такой приказ вообще (подобный документ так и не был найден). Они высказывают различные мнения о том, почему, скажем, в Польше подавляющее большинство евреев было уничтожено нацистами, в то время как во Франции такой участи подверглось

¹² *Рашковецкий М.* Замечания. – С. 154.

около четверти французских евреев, а большинству датских евреев удалось спастись. Что было причиной тому: отношение большинства населения к евреям, особенности политики коллаборационистских властей или особенности нацистской политики в этих странах, и если справедливо последнее, то кто инициировал эту политику – Берлин или местные оккупационные власти? Законные разногласия по этим вопросам не означают, что кто-то из участвующих в дебатах историков уважает память невинных жертв, а кто-то нет, и такие споры не приводят к базарным перебранкам и не сопровождаются инсинуациями, во всяком случае на страницах уважаемых академических изданий.

Историография Холокоста румынских евреев несравненно моложе и менее богата, чем историография политики Третьего рейха. Совершенно естественно, что дискуссии по вопросам, которые я постарался поднять в своей рецензии, как и по многим другим, будут продолжаться. Это нормальное и положительное явление, без которого вообще невозможен прогресс в нашей профессии. Но для того, чтобы такой прогресс состоялся, необходимо соблюдение общепринятых норм, тех самых, которые М. Рашковецкий нарушил. Должен признаться, что впервые я ознакомился с его «Замечаниями» на веб-сайте «Мигдаля», и моей первой реакцией было немедленно написать ему ответ. Однако по зрелом размышлении я этого решил не делать, главным образом потому, что не хотел ввязываться в спор, который велся в такой вызывающей, безобразной манере. Единственная причина, по которой я изменил свое мнение, состоит в том, что журнал, в котором моя рецензия появилась, опубликовал «Замечания» М. Рашковецкого. От этого качество его текста не улучшилось, но тем самым редакция придала ему респектабельность, которой он сам по себе не обладает.

Признаюсь, это заставляет меня думать, что сборник М. Рашковецкого изначально не заслуживал моего времени, и мне следовало отказаться от предложения отрецензировать его. Когда я согласился на это предложение, то исходил из того, что общепринятые нормы академической этики соблюдаются редакцией. Согласившись на публикацию «Замечаний» М. Рашковецкого, редакция, на мой взгляд,

нарушила эти нормы и вынудила меня писать длинную отповедь, в которой я счел необходимым разъяснить моменты, которые считаются само собой разумеющимися в академическом мире. Полагаю, что если журнал желает сохранить и укрепить свою репутацию серьезного академического издания, он должен более тщательно подходить к качеству публикуемых материалов и не подвергать своих авторов необходимости ввязываться в дискуссии, которые ведутся – и по существу, и по форме – на столь низком, унижающем достоинство как автора, так и читателей журнала уровне.